

Лидия Чарская

Дом шалунов

Лидия Алексеевна Чарская

Дом шалунов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=635935

Лидия Чарская. Повести и рассказы:

Аннотация

Мир маленьких шалунов является в этой книге только фоном, на котором развивается грустная повесть о случайно попавшем в эту среду мальчике с добрыми задатками. Юный читатель найдет здесь множество типов маленьких проказников, узнает об их радостях и невзгодах. И, возможно, не одно детское сердечко проникнется добрыми чувствами, познает собственные пороки и недостатки и, быть может, прольет даже слезу над судьбою невинных жертв шалостей и проказ.

Дети легче воспринимают и глубже переживают впечатления; большинство из них примет рассказ за действительность, и кажется, что, прочтя эту книгу, они, с одной стороны, будут вспоминать, к чему иногда приводит грубая, неуместная шутка, а с другой – научатся видеть в каждом «чужом» мальчике или «чужой» девочке своего близкого, брата или сестру.

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	4
ГЛАВА 1	6
ГЛАВА 2	17
ГЛАВА 3	30
ГЛАВА 4	40
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Лидия Алексеевна Чарская

Дом шалунов

ПРЕДИСЛОВИЕ

Что детям свойственны шалости – знают все. Но шалости бывают разные. Бывают и невинные, причина которых резвость и неумение предвидеть последствия своих проделок, выдуманных иногда ради шутки; бывают и такие шалости, которые свидетельствуют о том, что дети более или менее испорчены, что они нуждаются в особенно внимательном воспитании, а иногда даже и в лечении.

Скрывать от детей проделки их сверстников из ложного опасения, что дети, узнав, как шалят их товарищи, сами начнут шалить, – нет ни малейшего основания. Напротив, с воспитательной точки зрения нужно показать юным шалунам и веселым резвушкам неприглядную сторону их шалостей (без скучных нравоучений, которые редко достигают цели и наводят на детей лишь тоску).

С другой стороны, нельзя не учитывать и того, что у юных читателей ничто другое не вызывает такого искреннего, сердечного смеха, как описание невинных шалостей. И этот смех не влияет нежелательным образом на хорошего ребенка, а иного шалуна может даже исправить.

Эти соображения легли в основу предлагаемой книги, которая вводит юного читателя в мир маленьких проказников – в пансион, куда отданы на воспитание и исправление юные шалуны; здесь они встречают не строгое обращение со стороны наставников, а, напротив, доброе, сердечное отношение. На их шалости смотрят не как на преступление, а как на необдуманные поступки недостаточно еще окрепших умов.

Мир этих шалунов является в этой книге только фоном, на котором развивается грустная повесть о случайно попавшем в эту среду мальчике с добрыми задатками. Юный читатель найдет здесь множество типов маленьких проказников, узнает об их радостях и невзгодах. И, возможно, не одно детское сердечко проникнется добрыми чувствами, познает собственные пороки и недостатки и, быть может, прольет даже слезу над судьбою невинных жертв шалостей и проказ.

Дети легче воспринимают и глубже переживают впечатления; большинство из них примет рассказ за действительность, и нам кажется, что, прочтя эту книгу, они, с одной стороны, будут вспоминать, к чему иногда приводит грубая, неуместная шутка, а с другой – научатся видеть в каждом «чужом» мальчике или «чужой» девочке своего близкого, брата или сестру.

ГЛАВА 1

Пропал мальчик. Горе маленького семейства. Никин барашек. Нику похищают

«Хорошенький, черноглазый, с золотистыми кудрями мальчик по имени Ника, трех лет, пропал между 2-мя и 4-мя часами дня, во время прогулки, близ городского сада. Всех встретивших малютку убедительно просят дать знать его матери, которая живет на Энской улице, в доме № 3, кв. 24».

Молодая дама протянула бумажку, на которой было написано о пропаже мальчика, сидевшему за конторкой пожилому конторщику в очках.

– Пожалуйста, нельзя ли напечатать это объявление в завтрашнем номере газеты, – сказала она дрожащим голосом.

Конторщик с удивлением взглянул на бледную молодую даму с заплаканными глазами, прочел внимательно бумажку и спросил:

– Это ваш сынок пропал, сударыня?

Молодая дама не в силах была ответить. Слезы душили горло, руки тряслись, она поминутно вздрагивала. Вместо ответа она закрыла лицо руками и зарыдала.

В конторе газеты было много народа. Все окружили рыдавшую. Начались расспросы, советы, утешения. А молодая дама все плакала и плакала. Она могла только бессвязно пояснить, что пропал ее Ника, ее дорогой мальчик, радость и утешение, пропал во время прогулки.

Какая-то добрая старушка протиснулась ближе всех к молодой даме и, дружески похлопывая ее по плечу, проговорила:

– Не плачьте, голубушка. Отыщется ваш мальчик. Выпейте водички, успокойтесь и поезжайте с Богом домой. Завтра, как только люди прочтут в газете ваше объявление, те, кто нашел малютку, приведут его к вам. Верно, приведут. Плакать не надо. От слез только заболеее, чего доброго. Выпейте-ка водички лучше, милушка моя.

Голос старушки вселял надежду даме, что ее ненаглядный мальчик в самом деле найдется. Она вытерла слезы, выпила воды и, поблагодарив старушку, расплатилась за объявление и вышла на улицу, где, взяв извозчика, велела ему ехать на Энскую улицу.

Ей теперь почему-то казалось, что ее Ника уже найден и ждет дома. И она торопила извозчика ехать скорее. Извозчик хлестал свою чахлую лошаденку, пролетка мягко подпрыгивала по ровным мощеным улицам, а сердце молодой дамы сильно билось в ожидании встречи с потерянным сынишкой.

Динь! Динь! Динь! – заливается колокольчик. – Динь! Динь! Динь!

Старушка только что поставила вариться манную кашку и мешала в кастрюле большой серебряной ложкой, как неожиданный звонок заставил ее задрожать с головы до пяток.

– Господи! Никак привели Никушку! – вырвалось у старушки, и она кинулась в переднюю.

Трах-тах-тах! И тяжелый крюк с грохотом отскочил от двери под трепещущей рукой старушки. Дверь распахнулась. На пороге стояла молодая дама, которая только что отнесла в газету объявление о потерянном мальчике.

– Не нашли нашего Никушку? – спросила старушка-няня.

Рыдания подступили к горлу молодой дамы. Сердце сжалось сильнее, мучительнее...

Вдруг распахнулась дверь, и худенький, остриженный под гребенку мальчик вбежал в прихожую.

У мальчика было некрасивое личико, капризные губы и темные глазенки, глядевшие исподлобья. Ему было не больше пяти лет.

Это был брат пропавшего Ники по имени Жоржик.

– Мамочка! Когда же наконец найдется Ника? – заговорил мальчик, обращаясь к молодой даме, – мне не с кем играть. Мне скучно! Фроська плачет, уткнувшись носом в угол, а

няня занята на кухне и тоже плачет. Я отлично слышал, как она всхлипывала и сморкалась. А мне так хочется играть в солдатики, мама! Вели же Фроське перестать плакать и прикажи ей заниматься со мной!

Екатерина Александровна (так звали молодую даму) с грустью взглянула на мальчика.

«Как может он играть и веселиться, когда такое горе постигло всю семью?» – подумала она, но тотчас же утешила себя тем, что Жоржик еще слишком мал, чтобы понять то, что случилось. И она тут же предложила ему поиграть с ним в солдатики. Жорж запрыгал от радости. Еще бы! Ведь маме, занятой службой, редко приходилось играть с ними – детьми.

И, крепко вцепившись в руку матери, он потащил ее к себе.

* * *

В маленькой комнате, где жили Ника и его брат Жоржик, солнце заливало розовые обои. Две кровати стояли у стены, накрытые пикейными одеяльцами. На одной из кроваток лежал белый барашек, чуть-чуть замазанный, – любимая игрушка пропавшего Ники.

Еще так недавно Ника целовал и ласкал своего игрушечного барашка, кормил его кашей во время завтрака и укладывал спать в постельку рядом с собою. А теперь? Где-то он,

милый, маленький, ласковый Ника?

Глаза Екатерины Александровны затуманились слезами. В углу послышалось сдержанное рыданье. Это плакала Фроська, положив на подоконник свою огненно-рыжую вихрастую голову.

Фроське было всего 15 лет, и ее веснушчатое лицо казалось совсем еще детским.

Екатерина Александровна не могла взять более солидную, нежели Фроська, прислугу на помощь няне. Взрослая девушка потребовала бы и большую плату. А у Екатерины Александровны денег было в обрез. Оставшись вдовой, она поступила на службу в управление одной из железных дорог. На небольшое жалованье она содержала теперь всю семью, нанимала крошечную квартирку в три комнаты, платила жалованье Фроське. Старушка-няня после смерти папы от жалованья отказалась, видя, как тяжело приходится молодой женщине, которую она вынянчила в свое время. Няню никто и не считал прислугой. На нее смотрели как на родную. Пока Екатерина Александровна бывала на службе, няня ходила на рынок или стряпала завтрак и обед, а детей нянчила Фроська. По большей части они гуляли в это время в городском саду, с двух часов до самого обеда. Пошли гулять туда и накануне, все трое: Жоржик, Ника и Фроська. А вернулись только Жоржик с Фроськой вдвоем: Ника пропал!

Екатерина Александровна, узнав о случившемся, побледнела и залилась слезами. Позвали дворников, велели им ис-

кать Нику. Позабыв про обед, сама Екатерина Александровна поехала в полицию заявить о пропаже Ники. Потом вернулась домой, отдала какие-то приказания и, взяв извозчика, вдвоем с няней снова поехала искать Нику по всему городу. Вернулись поздно ночью, обе заплаканные, измученные. Вернулись без Ники.

Фроську не упрекали, не бранили. Только Екатерина Александровна не могла ее видеть больше и все махала на нее рукой, чтобы Фроська к ней не подходила. Фроська голосила на весь дом, как в деревне бабы голосят над покойниками. Всю ночь никто не ложился, все ждали Нику. Вот-вот, думали, приведут. Дрогнет звонок, и он вбежит, такой черноглазый, розовый, хорошенький. Но никто не приводил Нику.

Слезы падали из глаз Екатерины Александровны на оловянных солдатиков. Жоржик разделил войско на две половины: красных гусариков взял себе, желтых драгун отдал маме. Своих гусариков Жоржик расставил, а мамины драгуны все еще лежали, сваленные в кучу. Мама точно совсем позабыла об игре.

Жорж надулся. Он заметил, что не на солдат вовсе, а на Никиного барашка смотрит, не отрываясь, мама. И Жорж закапризничал, заныл:

– Не хочу играть! Не буду! Разве это игра? Гусары выстроены в две шеренги, а драгуны лежат, точно раненые, когда они стоять должны. Нехорошо это! Не хочу!

И Жорж заплакал.

Фроська вскочила с подоконника, подбежала к Жоржу и повела его в гостиную, уговаривая по дороге:

– Не плачь, золотце, не плачь, кисонька, не плачь маленький, не то маме еще горше станет! Молчи!

Но маме не могло быть горше от слез Жоржика. Мама, казалось, и не слышала его плача. Ее глаза все смотрели и смотрели на беленького барашка.

Лишь только Жоржик и Фроська скрылись за дверью, как Екатерина Александровна подбежала к Никиной постельке, схватила барашка и, прижав его к груди, залилась слезами.

– Господи! – прошептала она. – Ты добр и милосерден, верни мне Нику! Верни мне его, Господи, моего мальчугашку, крошку моего ненаглядного, птичку мою! Верни мне его! Никушка, малюточка моя! Детка моя крохотная! Золотой ты мой птенчик! Сердечко мое, где ты? Где ты, птичка моя?

* * *

Хорошенький мальчик, с черными вишенками-глазами, с длинными мягкими, как лен, кудрями, стоял перед клумбой городского сада.

Вот так цветочки! Каких тут только нет! И голубенькие анютины глазки, и плутоватый душистый горошек, который кажется таким простеньким и скромным на вид, а как хорошо пахнет! А вот и белые левкой. И еще много-много других

красивых цветов, названия которых мальчик не знает.

В золотокудрой головенке мальчика является мысль: нарвать цветов маме и поставить их перед ее прибором в стакане с водою. «Вот-то обрадуется мама! Вот расцелует-то своего Никушку!» – думает мальчик.

Он даже прищмокивает от удовольствия и собирает цветы в букет: беленькие к беленьким, красные к красным, голубые к голубым.

Этот мальчик, собирающий букет для мамы, – Ника. Он пришел вместе с Фроськой и Жоржиком. Но Фроська заболталась с подругами, молодыми няньками, а Жоржик играет в мяч с нарядной девочкой в розовом платье на садовой площадке, и обоим в эти минуты очень мало дела до Ники. А Ника и рад.

Один, другой, третий. Еще, еще и еще. Ах, сколько он уже нарвал цветочков. Маленькие ручонки едва удерживают огромный пучок.

И вдруг над ухом его раздается грозный голос:

– Как ты смеешь рвать цветы, негодный мальчишка! Вот я тебе задам! Постой ты у меня!

Перед Никой вырастает человек с бородою, в сером кафтане, с блестящими пуговицами и с толстой палкой в руках.

Ника знает, кто этот человек. Это садовый сторож. Когда они с Жоржем расшались в саду, Фроська им говорит постоянно: «Вот погодь-ка! Отдам сторожу. Он тебя отучит шалить!»

Ника очень боится сторожа. Да и нельзя его не бояться: сам он огромный, и борода у него огромная, и палка тоже. И вот они теперь обе перед ним: и палка, и борода.

Сторож грозно смотрит на Нику. Вот-вот он поднимет палку и...

Ника роняет цветы и бежит. Бежит по клумбе, по цветам, по хорошенькой пахучей куртине к выходу из сада. Ему все кажется, что сторож гонится за ним. Но сторож и не думает гнаться. Он испугал только мальчика и теперь занялся исправлением клумбы, потоптанной маленькими ножонками Ники. А Ника все бежит да бежит. Он бежит, не оглядываясь, по широкой улице, где в этот час мало пешеходов. Да и те, которые встречаются ему, и не думают остановить Нику.

– Ишь бежит сердечный, верно няньку догоняет! – говорят они мимоходом, улыбнувшись красивенькому мальчику, и спешат дальше.

Ника бежит. Вот повернул направо, вот налево. Опять направо. Опять бежит. Широкая улица стала узкой. Или это другая?

Домов становятся меньше. А дальше – поле, какие-то постройки и огороды, река. Никина мама живет на самой окраине города, где квартиры значительно дешевле, и немудрено поэтому, если маленький Ника в какие-нибудь четверть часа очутился на самом краю Петербурга.

При виде реки Ника почувствовал, что ему хочется пить. И в крошечной головке мелькнула мысль: спуститься к реч-

ке, лечь на ее бережку и напиться прямо из реки так, как пьют собачки и лошади. Это очень забавно и весело! Задумано – сделано. Но берег крутой и скользкий, ножонки Ники скользят по траве, покрывающей его. Он хочет уцепиться за что-нибудь, но не может, скатывается и, помимо собственной воли, бежит вниз к реке. Вот и вода. Близко-близко. Мальчик уже не может остановиться и все катится, катится к воде.

* * *

– Ах!

Две цепкие, загорелые руки схватывают Нику и высоко поднимают над самой рекой. Еще минута, и маленький Ника утонул бы в быстрых холодных волнах.

Руки крепко прижимают мальчика к груди.

Над ним склоняется загорелое лицо крестьянки, повязанное черным платком. Ее светлые глаза ласково глядят на удивленного Нику.

– Не бойся, сыночек, не бойся! Худого тебе ничего не сделает тетка Матрена. Кабы не я, потонул бы ты, сердечный, свалился бы вниз и поминай как звали. Небось, жалко такого красивенького парнишку. Глянь-ка на меня, сынок! А и хорош же ты, маленький. Волосики-то что лен: мягкие, золотом отливают. А глазенки-то, глазенки! Ишь ты! Чего смотришь, дурачок? Ты тетке Матрене Самим Господом Богом

послан. Да! Таких ребяток на утешенье людям Господь дает! Как моего Митюшку я хоронила, так думала от слез помру. А вот, вишь, другого Митюшку Господь мне дает! Поедем со мною в деревню, сынок. Любить тебя, холить буду. И мужу беречь велю заместо сынка, то есть Митюшки нашего, покойничка. То-то заживешь у нас, сынок.

И, говоря это, Матрена сжимала все крепче и крепче в своих объятиях Нику, покрывая поцелуями его нежные щечки, розовые губки и пышные волны золотых кудрей.

Но Нике были неприятны ласки чужой ему женщины. Сухие, потрескавшиеся губы женщины кололи его. Ее грубый голос неприятно звенел в ушах.

Нике разом представилась другая женщина: нежная, молоденькая, с мягкими душистыми ручками, с нежным голосом и нежными поцелуями, – ему вспомнилась мама.

– К маме хочу! – неожиданно закричал он и горько заплакал, затрепетав всем телом.

– Нет у тебя нынче другой мамы, окромя меня! Слышишь? – сердито крикнула крестьянка и, зажав своей грубой ладонью ротик Ники, еще крепче прижала его к себе.

Мальчик успокоился поневоле.

Тогда женщина закрыла его с головой теплым байковым платком и куда-то понесла, несмотря на то, что Ника старался вырваться из ее цепких рук.

ГЛАВА 2

Отъезд в деревню. Нику ищут. Через шесть лет. Миколка. Волк

Матрена принесла Нику в избушку, одиноко стоявшую на окраине большого огорода. В избе жил кум Матрены, огородник Вавила, со своей семьей. У них останавливалась Матрена, когда привозила в город на продажу деревенский холст.

Вавила, его жена и дети очень удивились при виде красавчика-барчонка, принесенного кумой к ним в избу.

– В деревню к себе повезу. Заместо сынка, Митюшки моего, – пояснила им Матрена. – Сам Господь, видно, послал мне этого мальчика, не иначе как Он. Под старость кормить нас с Кузьмою будет сыночек мой богоданный!

– А полиции не боишься разве? Небось, это вроде кражи выходит. Чужого ребенка ведь ты украла, Матрена! – заметил куме Вавила, умный, рассудительный мужик.

Но Матрена только рукой махнула.

– Чего украла? Как украла? Что ты говоришь-то? Бог с тобою! Господь послал. Вот и все!

Она тотчас же стала собираться в дорогу.

Переодела Нику в деревенское платье, купленное ею тут же у огородника и принадлежавшее до сих пор его младше-

му сынишке. Потом строго наказала Нике называть ее «мамкой» и, покормив его досыта молоком с хлебом, попрощалась с семьей огородника и отправилась в путь.

Ехали они долго. Сначала по конке, потом в трамвае, наконец, приехали на вокзал и сели в вагон. И опять ехали весь остаток дня и целую ночь вплоть до утра. Ника ничего не понимал, не видел и не слышал. Он крепко спал, измученный слезами и тоскою по своей маме, которую горячо любил.

Когда поезд подъезжал к станции Псков, Матрена разбудила Нику, связала в узелок вещи и вышла с Никою из вагона.

От станции в Матренину деревню надо было ехать еще на лошадях верст двадцать. На станции Матрену встретил с телегой мужик, с черной бородою и черными же глазами. Он удивленным взором окинул Нику.

– Вот, Кузьма, сыночка нам Господь посылает! – умиленным голосом пояснила мужу Матрена, – глянь-ка, что за красивенький парнишка! Помощником тебе будет! – и она ласково провела своей шершавой рукой по золотистой кудрявой головке мальчика. Но Кузьма не разделял, казалось, восхищения своей жены и угрюмо посматривал на Нику.

– Еще чего! Нашла тоже дармоеда! Пока он вырастет, сколько на него денег уйдет – пропасть! – проговорил он сурово.

Ника заплакал.

Лицо у Кузьмы стало еще сердитее.

– Пореви ты у меня! А это видел?

И он погрозил ему кнутом, которым погонял лошадь. Потом он стал бранить жену за то, что она «навязала» им обоим на шею такую обузу. Матрена тоже плакала и все гладила по головке Нику, крепко прижимая его к себе. Ника затих. Страшный мужик с кнутом приводил его в ужас.

* * *

Искали Нику.

Искала мама, няня, искали дворники, полиция, искали, прочитав объявление Екатерины Александровны в газете, добрые чужие люди.

Искали и не нашли.

А на следующее утро, после того как объявление было напечатано в газете, один из дворников, проплутав всю ночь, нашел на берегу реки зацепившуюся за дерево старенькую Никину фуражку и принес ее Екатерине Александровне.

Екатерина Александровна признала фуражку своего Ники. На ней был вышит красным шелком маленький флаг в отличие от Жоржиной фуражки, на которой был голубенький флаг. Едва только заикнулся дворник о том, где нашел фуражку, как Екатериша Александровна без чувств упала на руки подоспевших няни и Фроськи.

Ее долго отливали водой, давали нюхать спирт, стараясь привести в чувство. Оправившись немного, Екатерина Алек-

сандровна решила, что Ники уже нет в живых, что он утонул.

Теперь у Екатерины Александровны было одно желание – найти бездыханное тельце Ники.

Наняли рыбаков с лодкой. Они ездили по реке, шарили баграми в воде и ничего не находили. Решили, что тело его застряло где-нибудь на дне. После пригласили священников в маленькую квартирку, зажгли свечи и стали молиться за душу погибшего Ники. Екатерина Александровна стояла на панихиде, молилась горячо и неутешно плакала.

Фроську отослали в деревню. Екатерина Александровна не могла ее видеть больше, считая девочку виновницей гибели Ники. С тех пор няня стала ходить за Жоржем.

С карточки Ники пересняли большой портрет, который Екатерина Александровна повесила в своей спальне. На портрете Ника вышел такой хорошенький, кудрявенький, веселый. Екатерина Александровна целыми ночами не спала, сидела на постели и все глядела на портрет, с которого точно улыбался Ника. Белый Никин барашек лежал тут же под портретом на столике, тут же лежала и Никина фуражка – последнее напоминание.

* * *

– Дай!

– Не отдам!

– Дай!

– Не дам, тебе говорят!

Прежде чем Сенька успел опомниться, Миколка торжественно восседал на его груди и собирался задать врагу порядочную трепку. Не помня себя, Сенька завизжал и отшвырнул картуз, сорванный им шутки ради с головы Миколки.

Миколка шлепнул раза три по спине Сеньку, прежде чем выпустить его из своих цепких ручонков.

– Вот тебе, не таскай чужих картузов! – произнес он.

Сенька заревел. В ту же минуту вдали показалась ватага крестьянских ребятишек. Тут были и Ванька вихрастый, и Степка-козел, и Митяйка рыжий, и два Андрюшки – Андрюшка хромой и просто Андрюшка, и Прошка беззубый, и Ванька маленький, и Санька-толстяк, и другой Санька – обыкновенный. Все они устремились к двум находившимся на лугу мальчуганам, один из которых продолжал реветь во все горло.

– Чего глотку-то дерешь? – обратился к нему Степка-козел, самый большой и сильный из ребят. – Чего глотку-то дерешь, спрашиваю?

– Да все он. Все «чужак» забижает. Влез, накинулся на меня и прибил! – жаловался Сенька.

– Ты чего, «чужак», дерешься, а?

И Ванька вихрастый, сжав кулаки подступил к Миколке. Миколка вспыхнул.

– Не ври, Сенька, не я тебя, а ты меня задрал первый, –

произнес он, — я мирно лежал тутотка на опушке, стадо стерег, а он с меня, братцы, картуз-то как сдерет. Да на дерево еще грозил закинуть. Ну, я его, значит, и того. Бока ему намял, штоб не баловался!

И Миколка с гордостью оглянулся на ребят.

Он был меньше их ростом и казался стройнее и красивее всех. Ему было лет девять на взгляд. Золотисто-русые кудрявые волосы так и горели на солнце; черные глаза сверкали умом. Тонкое личико дышало удачью и здоровьем. Он был одет беднее всех. На нем была старая, рваная рубашонка, ноги были босые, широкие ситцевые штанишки, все заплатаанные, едва держались на узеньком ремешке. Несмотря на нищенский вид, мальчик казался настоящим красавчиком.

Окружающие ребята зло поглядывали на него.

— Эге! Ты драться, брат! — значительно проговорил Андрюшка хромой, выковыливая вперед своей больной ногою, — так ты дра-а-ть-ся! Братцы! — обратился он к товарищам, — «чужак» дерется. Давайте отлупим! Больно зазнался! А?

— Отлупим его! Отлупим! — согласился Митяйка рыжий. — Чего с ним долго хороводиться! Хватай его, ребята! Раз, два, три!

И Митяйка первый подскочил к Миколке. Но тот только и ждал, казалось, этой минуты. Он сжал кулаки, черные глаза сердито сверкнули на смуглом лице.

— Стой! — крикнул он.

И в тот же миг рыжий отскочил от Миколки, отброшенный его крепкими кулачками.

Митяйка взвыл. Это послужило сигналом к началу схватки. Ребята все разом ринулись на Миколку. Одна секунда, и мальчик был бы на земле, сбитый с ног своими врагами. Но Миколка нагнулся, подхватил с земли огромный сук и, приняв боевую позу, произнес сурово:

– А этого хошь? Подойди-ка таперича! А-ну-ка-сь! – Но подойти никто не решался. Сук был огромный, страшный. Но еще страшнее были черные глаза Миколки. Мальчуганы поняли теперь, что им, пожалуй, не справиться с «чужаком». Они выругались и уже намеревались было покинуть поле битвы, как вдруг Прошка беззубый, самый лукавый из них всех, что-то зашептал на ухо Ваньке.

По лицу Ваньки проползла довольная улыбка. Что-то недоброе промелькнуло в его угрюмом лице. И вдруг неожиданно лицо это сделалось испуганным, оробелым, и он заорал на весь луг:

– Глянь-ка, Миколка, глянь-ка! Волк твою Белянку дерет!

Миколка затрепетал. В его глазах отразился ужас. Лицо мальчика стало блее мела. Испустив крик, он ринулся к лесу, где паслось овечье стадо, вверенное его присмотру.

А мальчишки загоготали. Они надули Миколку.

Стадо, тихо позвякивая колокольчиками и пощипывая травку, мирно паслось на опушке леса. Любимая Миколкина овца, Белянка, гуляла тут же. Миколка пенял, что никакого волка и не было и что злые мальчишки хотели только напугать его. Черные глазенки Миколки снова загорелись. Он сжал кулаки и погрозил ими в ту сторону, где еще пестрели на лугу рубашонки его врагов-мальчишек.

Потом он подошел к Белянке, доверчиво потянувшейся к нему навстречу, и произнес ласково:

– Беляночка моя! Добренькая, и вы все овечки да барашки мои милые! Одни вы у меня. Как есть одни вы да Кудлашка! Добрые вы мои, одни вы меня не обижаете, голубчики! Спасибо вам, родненькие. Век вас не забудет Миколка, право-слово, не забудет никогда!

И мальчик прижал голову овцы к своему сердцу.

Белянка доверчиво терлась о его грудь и жалобно тянула свое неизменное: «Бэ-бэ-бэ-бэ!» Она точно хотела сказать: «Не горюй, не тоскуй, маленький Миколка, я с тобою – твой друг и приятель, Белянка с тобою!» И мальчику показалось, что он понял блеяние своей любимицы. Он крепко сжал кудрявую шею овцы и, закрыв глаза, опустил на траву рядом с нею. В тот же миг что-то защекотало голую пятку Миколки, что-то шершавое и влажное прикоснулось к ней. Мальчик

открыл глаза, оглянулся и рассмеялся:

– Ты, Кудлашка? А и напугала же ты меня!

Черная, кудлатая, вполне оправдывающая свое прозвище собака с визгом отскочила от его ноги, около которой прилегла было тихохонько, и прыгнула на грудь своего друга.

Миколка ласкал Кудлашку, обнимал Белянку и чувствовал себя почти счастливым в эту минуту. Потом он прилег на мягкий мох, вскинул свои черные глаза к небу и стал думать: «Почему они не любят меня? За что обижают постоянно? Что я им сделал такого, что они дразнятся кажинный день да прибить норвят? Неужто всем „чужакам“ так горько на свете живется?»

Миколка был «чужак», то есть чужой мальчик, из другой деревни. «Своя», Миколкина деревня, лежала за добрый десяток верст от этой. Здесь Миколка всего полтора года. Как это случилось, что он очутился здесь, Миколка помнит отлично. Помнит он свое детство, которое мирно и беззаботно протекало в «своей» деревне. Помнит и невеселое, но ласковое, морщинистое лицо «мамки». Мамка его любила крепко. Никогда не била. Кормила пирогами с маком по воскресеньям, покупала медовых пряников в базарные дни. Мамка была добрая. И Миколка ее тоже любил. Он горько плакал, когда умерла мамка. Мамку схоронили, поставили крест на ее могилке. Тятка, и без того сердитый и суровый, сделался еще сердитее со дня мамкиных похорон, стал крепко скучать по мамке, стал пить водку с горя, а под пьяную руку бил

Миколку. Вскоре и тятка помер, свезли и его на кладбище и схоронили подле жены. Теперь круглым сиротою остался Миколка. Один на свете. Собрались мужики со всей деревни и решили так: «Кормить Миколку даром нельзя, у самих ребят куча. Надо отдать Миколку в соседнюю деревню в пастушонки – овец пасти. Там требуется такой пастух. В соседней деревне живет к тому же одиноким бобылем отставной солдат Михей. У него изба большая. Больно велика для одного, Михей может взять к себе и Миколку заместо сына. Кормить же Миколку будет деревня за то, что он станет пасти овец».

Так и порешили.

Миколка поселился у Михея в избе, стал пасти баранов и овечек. Михей был злой мужик и частенько колотил Миколку за всякий пустяк. Ребятишки не любили Миколку. Они чувствовали, что он особенный какой-то был, гордый, серьезный, не лгал никогда, не бранился – им не чета. Миколка тоже не любил ребятишек. Любил он только свое стадо, Кудлашку мохнатую, любил поднебесную высь голубую, лесную чащу любил. Радостно и любо ему было лежать так одному на зеленом мху, на мягкой мураве. Колокольчики овец звучат так серебристо и красиво. В лесу медом пахнет, диким левкоем, смолой. Птицы поют. Приветливо, звонко. Под этот звон, под это пение чудится странное что-то Миколке. Всегда одно и то же чудится, постоянно все одна и та же картина представляется ему: будто лежит он в белой мягкой постельке, будто пуховые перинки под ним, а голубое стеганое оде-

яльце его накрывает. И откуда взялись только перинка эта и это одеяльце? Где он, деревенский парнишка, мог видеть все это? Но не только перинка да одеяльце чудились Миколке. Словно в облаке, тихо, неслышно приближается к нему женщина, молодая, прекрасная, с темными ласковыми глазами, с руками мягкими и нежными, гораздо более нежными, нежели шерсть на спине его Белянки. Женщина эта склоняется над ним, гладит его волосы, целует его глаза, щеки и тихо поет.

И голос у нее нежный-нежный. «Должно быть, у ангелов Божиих на небе бывают такие голоса!» — думается Миколке, и сладко-сладко становится у него на душе. Кто эта женщина, которую он часто видит, точно во сне, Миколка не знает. Но он чувствует какую-то особенную радость, когда она является в его мечтах. Иногда ему кажется, что он когда-то, давно-давно, бывал с нею постоянно и что она все время ласкала, лелеяла его и пела ему ту же сладкую песню:

Утро синее лучистое
В пышном уборе своем,
Солнце встает золотистое
Там, за зеленым холмом.

Небо безбрежное, ясное
Светится там высоко,
Но и во время ненастного
В сердце светло и легко!

Ты – мое солнышко жаркое,
Ты – мой серебряный луч,
Утро весеннее яркое,
Ясное утро без туч.

Мальчик мой, крошка прелестная,
О, как люблю тебя я!
Пташка моя поднебесная,
Радость, утеха моя!

– Милый мой, хороший мой, родной мой мальчик! – шепчет светлая женщина, лаская золотистые волосы маленького пастушонка.

И сердце мальчика наполняется сладкой тоской, глаза невольно закрываются. Тихий сон сковывает его.

– Бэ-бэ-бэ-бэ! – отчаянным блеянием пронеслось по лесу. – Бэ-бэ-бэ-бэ!

– Гам-гам! – залилась Кудлашка.

– Что это? – Миколка открыл глаза. Сердце так и упало. Холодный пот проступил на лбу. – Господи, помилуй!

Огромный волк стоял, оскалив зубы, в каких-нибудь десяти шагах от него, как бы выжидая чего-то. И вдруг бросился на ближайшую овцу. Новое отчаянное блеяние пронеслось по лесу, и страшный хищник, повалив свою жертву, впился в нее зубами...

Миколка был уже на ногах. Ни светлого виденья, ни чарующей песенки как не бывало. Все исчезло из его мыслей. Страшный серый хищник и несчастная овечка, еще бившаяся в зубах волка предсмертными судорогами, поглотили теперь все внимание маленького пастушонка. Миколка преобразился. Задышающийся, не помня себя, он рванулся прямо к волку.

— Го-го-го-го! — дико закричал он и замахал на волка уцелевшим в его руках суком.

В тот же миг с воем подскочила к волку и Кудлашка. Ее шерсть топорщилась, глаза горели. Она рвалась к волку. Волк взвыл и, нехотя оставив добычу, стал красться обратно, мимо Миколки, в чащу. Оскалившись, он полз по земле. Глаза хищника горели зеленым огнем. Вот он в двух шагах от мальчика и как будто готовится броситься на него, но неожиданно Кудлашка прыгнула на спину волка и зубами схватила его за шею. Миколка очутился подле них. Он бесстрашно нагнулся и изо всех сил крикнул, чуть ли не в самое ухо волку:

— Го-го-го-го-го!

Волк подскочил, как очумелый, постоял на месте, ничего не понимая, и кинулся в чащу. К месту схватки подоспели крестьяне из деревни.

ГЛАВА 3

Злой дядя Михей. Бегство. Сладкий сон. Верный друг. Неожиданное происшествие

– Что случилось? Чего орал, точно кто резал тебя? – накинулись на Миколку мужики. – Ну, говори же?!

Но Миколка молчал. Перед ним лежала мертвая овца. Кровь лилась из ее перегрызенного горла. Миколка присел подле овечки и нежно гладил ее липкую от крови шерсть. Кудлашка уселась тут же. Она, казалось, сочувствовала горю своего хозяина и тоже печально смотрела на мертвую овцу, изредка лишь оглашая воздух лаем.

Сильный удар по спине заставил Миколку вскочить на ноги. Перед ним стоял дядя Михей, рыжий, рябой, с торчащими щетинистыми усами, со злыми, бегающими глазками. Лицо дяди Михея было перекошено от злости. Он зашипел на Миколку и, больно дергая его за уши, произнес:

– Ты что же это, скверный парнишка, наделал, а? Волку овцу задрать позволил, а? Чай, по сторонам зевал, а? Вот постой ты у меня! Давно у меня руки о тебя чешутся. Отдеру я тебя, как Сидорову козу. Будешь ты меня помнить долго.

– И впрямь, дядя Михей, стоит проучить парнишку, – со-

гласились остальные мужики, сердито поглядывая на Миколку, – а то глядь-ко, как твою овцу-то волк испортил!

– Как мою овцу? – так и подпрыгнул Михей, и закричал: – Ах, ты негодный! Ах, ты разбойник! Ах, ты душегуб этакий! И впрямь мою Кудрявку волк задрал. Ну, ладно же, постой ты у меня!

Михей схватил Миколку подмышку и потащил его к опушке. Он бросил мальчика на землю, потом приволок его к дереву и, распоясавшись, стал привязывать снятым поясом Миколку к толстому стволу старого дуба. Мальчик не давался. Михей стал сзывать на подмогу других крестьян. Но тут Миколка изловчился, изо всех сил оттолкнул Михея от себя и помчался в лесную чащу.

– Держи! Лови его! Убег парнишка, держи его, ребята! – вопил Михей. За деревьями крестьянам не видно было, куда побежал мальчик. Только треск сухих веток разносился по лесу да голос Михея нарушал тишину. Кое-кто из мужиков бросился было в погоню. Другие же махнули рукой на это дело.

– Ладно! Все едино домой вернется. Не больно-то ночью разгуляется с волками. А ими кишмя кишит лес, – решили они.

Вскоре отстали и те, кто погнался за мальчиком, и Миколка смог перевести дух.

Ночь наступала понемногу, темная, пахучая июльская ночь. Деревья казались огромными великанами. А Миколка

все шел вперед, пока не выбился из сил и не упал на влажную от росы траву.

Ночь загустела. Ни зги не видать. Только изредка прорезывал тишину громкий филин да откуда-то из чащи неслось голодное завывание волков. Сердце Миколки сжалось. При свете, даже в сумерках, он волков не боялся. Миколка умел глядеть беде прямо в глаза. А вот ночью, во тьме, когда не видно было, откуда крадется к нему четвероногий враг, становилось страшно. И теперь, несмотря на усталость, он отгонял от себя сон и тарасил через силу в темноту глазенки. Сон оказался сильнее. Голова перестала работать, мысли спутались, и Миколка крепко заснул, повалившись на мягкую росистую землю.

* * *

Миколка спал. Ему грезилась добрая с печальными глазами женщина, о которой он так часто думал. Грезилось ему – вот подходит она к нему, склоняется, шепчет: «Бедный мой мальчуган, милый, бедный маленький Миколка!» – и целует его, и гладит его волосы. Миколка протягивает руки к светлой женщине, хочет обнять ее, прижаться, пожаловаться на злых мальчишек, на жестокого Михея, и просыпается.

Прежняя тьма окутывает лес.

Оглядывается Миколка, не понимая, каким образом он очутился здесь, а не на лавке, в избе дяди Михея, и неожи-

данно крик замирает на его губах... Прямо на него медленно надвигаются две горящие точки.

Это был волк, встречи с которым так опасался Миколка, тот, по всей вероятности, самый волк, из пасти которого они с Кудлашкой вырвали добычу. Теперь он, очевидно, пришел расплатиться с мальчиком за отнятую овцу.

Ужас сковал Миколку. О бегстве не могло быть и речи. Только руки он вытянул вперед, как бы желая оттолкнуть ими страшное чудовище. А оно между тем все приближалось и приближалось. Его горящие глаза точно плыли по воздуху, прямо по направлению к тому месту, где притаился мальчик. Миколка боялся дышать. Он весь замер. Холодный пот выступил у него на лбу.

Огненные точки как будто остановились. Глаза волка не двигались больше. Очевидно, хищник присел, чтобы ему легче было сделать прыжок и кинуться на свою маленькую жертву.

Мучительно колотилось сердце Миколки.

Еще минута проползла, долгая, томительная. Мальчик понимал, что минуты его были сочтены, что жить ему осталось немного.

А глаза, между тем, вспыхнули ярче, страшнее. Потом исчезли сразу... Волк присел... нацелился...

Крах!

Хрустнули сухие ветки.

Прыжок.

Отчаянный крик.

И горячее дыхание зверя пахнуло жарко в самое лицо Миколки.

* * *

Что это?

Вместо острых зубов, нежное прикосновение шершавого, мокрого языка. Вместо страшного волчьего воя нежное повизгиванье.

– Кудлашка! Кудлашка! Ты? Милая, родненькая! Нашла-таки меня? Нашла, сердешная, голубушка моя! – слышится голос мальчика.

Миколка никогда не плакал. Даже тогда, когда дядя Михай бил его жестоко. Сожмет только губы, зубы стиснет, но ни единой слезинки. А тут заплакал. От радости, что нашел его верный друг, Кудлашка.

Миколка прижал к груди собаку, обнял. Плачет и шепчет:
– Нашла ты меня, Кудлашечка, родименькая, нашла? Вот спасибо тебе, дружок ты мой сердешный! Вот спасибо!

Кудлашка визжит и умильно крутит хвостиком в темноте.
– Никогда таперича не расстанусь с тобою. Ей-богу! Куда я, туда и ты. Ладно?

Кудлашка визжит так, что звон стоит в ушах от ее визга.
Мальчик и собака обнимаются снова, потом ложатся рядом на траву и через минуту уже спят крепко и сладко.

Солнце стояло высоко на небе, когда еще сонный Миколка почувствовал, что кто-то тянет его за рукав. Он вскочил, протер глаза. Перед ним Кудлашка: тянет его за рубаху.

— Миленькая! — шепчет Миколка и чмокает Кудлашку в ее холодный влажный нос.

Потом решительно встряхивается, оправляется и, обратившись к Кудлашке, говорит:

— Ну, брат, таперича мы махнем дальше, в лес. Куда-нибудь да выйдем. Идет, што ли?

Кудлашка тявкает, точно хочет сказать:

— Куда хочешь вести, всюду пойду за тобою! И оба пускаются в путь.

Солнце печет. Но жара не чувствуется. Деревья кругом высокие, ветвистые и дают тень. Зато нечто другое начинает мучить Миколку и Кудлашку.

Это голод. Не поужинав с вечера, мальчик чувствует пустоту в желудке. Чувствует голод и Кудлашка; она уже не прыгает, довольная, как прежде, а идет, уныло опустив голову, подле своего маленького хозяина. А лес, как нарочно, становится все гуще и гуще. Мало надежды скоро выбраться из него. Миколка приуныл. К голоду присоединяется и жажда. Под ложечкой сосет. Язык стал тяжелый и шершавый. И пить, и есть хочется нестерпимо.

Вот солнце ниже. Вот оно красным огненным шаром спустилось к верхушкам деревьев. А они все идут.

— Господи! Поесть-то как охота! — срывается с губ Миколки, и он с тоскою оглядывается на своего друга.

Четвероногий друг глядит на Миколку печальными глазами. Глядит и визжит.

Но вот лес стал редеть понемногу.

Мальчик приободрился. Вдали заблестело что-то.

— Речка! — вскричал Миколка. — Чуешь, Кудлашка, — речка близехонько? Верно, и жилье есть. А где жилье — там и еда, вестимо! Чуешь?

Кудлашка тявкнула и помчалась вперед. За нею, собрав последние силенки, побежал и Миколка.

Лес еще поредел. Светлая полоса реки засверкала ближе. Кудлашка метнулась к ней. За нею Миколка.

Оба скатились кубарем к воде. Стали жадно пить, лежа на берегу. Вода бежала под самым лицом мальчика. Ее серебристые струйки искрились в лучах заходящего солнца. От этого постоянного мелькания, от голода и усталости в глазах Миколки зарябило. Голова его закружилась. Лишившись последних сил, мальчик, перекувырнувшись через спину, тяжело бухнул в воду.

* * *

— Тише! Вам говорят: тише, пострелята! Кто только по-

смеет разбудить его, тому я дам здоровую взбучку. Гога Владин, ты знаком с моими кулаками! Сунься-ка!

– Уж ты бы помолчал, Алек Хорвадзе. Чего ты так важничаешь! Такой дылда, как ты, может одолеть любого малыша! Ты больше нас всех и оттого сильнее! Немудрено это!

– Я годами не старше вас. Ну, а теперь марш отсюда, куда целы.

И стройный чернокудрый мальчик с пламенными глазами запер дверь перед самым носом детей, толпившихся на ее пороге, и, снова подойдя к постели больного, склонился над ним.

– Что за красавчик-мальчуган! – произнес он, рассматривая лицо лежащего перед ним.

– Этакий красавчик! Подумать больно, что такой-то чуть не утонул в реке!

Больной приподнял веки.

– Где я? – произнес больной слабым голосом.

– У друзей, не бойся, малыш! – отвечал Алек, – у друзей, которые тебя ничем не обидят.

– А где же Кудлашка? – беспокойно проговорил больной.

Но едва он успел произнести это, как из-под постели вынырнула Кудлашка во всей своей красоте. С визгом она кинулась прямо на постель больного, оставляя на чистом пижамном одеяле следы грязных лап. Темноволосый Алек покачал головою.

– Макака не похвалит, если увидит это, – произнес он се-

рьезно, – и Кар-Кар тоже. Впрочем, я заступлюсь за тебя, когда понадобится, – заключил он тихо.

– А кто они будут? – спросил больной, широко раскрывая свои и без того огромные глаза.

– Макака – это обезьяна. Она похожа очень на человека и ест руками, как мы, и вся покрыта волосами при этом. Но наша Макака вовсе не обезьяна. Вот ты убедишься сам, когда увидишь. А зовут нашу Макаку господином Марковым, Александром Васильевичем. Настоящая макака – злая, а наш Макака – добрый. Кар-Кар же – это помощник нашего Макаки. У Кар-Кара четыре глаза и две головы: одна – своя, другая – чужая.

Больной еще шире раскрыл глаза. Хотел спросить что-то и не успел.

Распахнулась дверь, и из нее высунулось десятка два детских головенок. Глазенки устремились взорами на лежавшего в кровати больного.

– Алек Хорвадзе! Алек Хорвадзе! Можно нам к нему? Можно посмотреть больного мальчика и собаку? Пожалуйста, Алек, пусти нас! – слышались детские голоса.

Но Алек не смог ни впустить, ни ответить, потому что в комнату вкатилась как раз в эту минуту, оттолкнув детей от двери, шарообразная толстая фигура, похожая на большой мяч. Румяное лицо в очках лоснилось. Из-за стекол приветливо и добро смотрели маленькие глазки. Очки едва-едва держались на кончике носа. Фигурка несла тарелку с дымя-

щейся похлебкой. Тут же на краю тарелки лежал ломоть белого хлеба.

Круглый человек подошел к постели и знаками стал показывать больному, что принес ему завтрак. Больной не заставил себя долго упрашивать и с жадностью набросился на еду.

ГЛАВА 4

Круглый человечек и шалуны. Прыжок. Кар-Кар, Жираф и Макака

Больной ел. Круглый человечек сидел на стуле, кивал и улыбался. За его спиной стояли двадцать мальчиков, которые тоже кивали, улыбались и делали все то, что делал круглый человечек. Почешет себе нос круглый человечек, и все двадцать мальчиков почешут себе носы. Начнет сморкаться толстяк, и тут-то поднимается настоящая музыка, потому что все двадцать мальчиков принимают сморкаться.

Но вот круглая фигурка протянула руку и погладила по голове больного. В ту же минуту двадцать рук потянулись к золотистым кудрям лежавшего в постели мальчика, силясь проделать то-же.

Тут случилось нечто неожиданное. Видя, что трогают ее маленького хозяина, Кудлашка твякнула отчаянно и, вскочив на постель, рядом с Миколкой, оскалила зубы.

Это случилось неожиданно. Но еще неожиданнее опрокинулся стул, на котором сидела круглая фигура, и толстенький человечек очутился на полу.

– Ах, ду, либер Готт!¹ – произнес кругленький человечек и забарахтался, силясь подняться.

В тот же миг двадцать мальчиков окружили его, громко крича:

– Я вас подниму, Карл Карлович!

– Нет, я!

– Нет, я!

– Бедный Карл Карлович!

– Ужасное падение!

– Вы не очень ушиблись, Карл Карлович?

– Обопритесь на меня!

– Вот вам моя рука, Карл Карлович!

И двадцать пар рук тут же потянулись на помощь упавшему. Но лишь только бедный немец (Карл Карлович был немец, и притом немец самый настоящий, приехавший лишь недавно из Германии и ни слова не говоривший по-русски) опирался на чью-либо руку, как мальчик, протянувший ему ее, моментально падал на пол подле Карла Карловича и, сделав испуганное лицо, кричал:

– Ах, вы меня перетянули, Карл Карлович! Вы ужасно тяжелый!

Один, другой, третий, четвертый... одиннадцатый, пятнадцатый... двадцатый... Вскоре все двадцать мальчуганов лежали вокруг Карла Карловича, точно отряд индейцев, мирно отдыхающих после битвы в самых живописных позах вокруг

¹ Ах, ты, Господи!

своего вождя.

Миколка расхохотался. Особенно смешон был Карл Карлович, который дрыгал ногами, желая подняться, и не мог.

Кудлашка вдруг насторожилась. Очевидно, беспомощно дрыгающиеся ноги почтенного немца привлекли собачье внимание. Кудлашке показалось, что с нею заигрывают, и она приготовилась к возне, взвизгнула и подскочила.

– Гоп-ля-ля!

Любой наездник позавидовал бы такому смелому прыжку.

– Ай-ай-ай-ай! – неожиданно закричал немец.

Зубы Кудлашки вцепились в его каблук. Карл Карлович кричал, Кудлашка лаяла, Миколка хохотал. А все двадцать мальчиков шумели, кричали, свистали, пищали на двадцать разных голосов.

Лицо Карла Карловича из белого стало багрово-красным. Жилы напряглись на его лбу и надулись, как веревки. Он кричал что-то по-немецки, чего нельзя было разобрать.

И вдруг все покрыл один громкий возглас:

– Довольно! Молчать! Перестать сию минуту! Что за травля! Рыцари! Сейчас же на ноги, вам говорят! Поняли!

И Алек Хорвадзе вскочил со своего места, подбежал к немцу и помог ему подняться на ноги. И все двадцать мальчиков тоже вскочили, как по команде. Алек Хорвадзе был самый сильный из них, и мальчуганы отлично знали, что тягаться с ним не особенно-то легко.

Лишь только Карл Карлович поднялся на ноги и, отды-

шавшись, привел в порядок свой костюм, он сердитыми глазами оглядел всех мальчиков и пропищал тоненьким голоском:

– Витик Зон! Komm hier!²

Из толпы выскочил белокурый, хорошенький мальчик.

Карл Карлович стал что-то оживленно говорить Витику по-немецки. Витик был единственный изо всех мальчиков, который отлично знал немецкий язык, потому что был сам немец по происхождению. Витик отвечал Карлу Карловичу, по-немецки же, очень серьезно и очень тихо, так тихо, что остальные мальчишки не могли ничего расслышать. Потом Карл Карлович еще раз сердито оглядел их всех, покрутил головою, пошевелил своими белокурыми усами и быстро исчез за дверью.

– Жаловаться пошел Макаке! – произнес Витик, – скажет, как на него напала собака и хотела его укусить, и что мальчишки уронили его на пол и стукнули ему колено и ляжку.

– Вот так история! Ну, будет нам на орехи, – произнес Миля Своин, бледный, худенький мальчик.

– Да уж здорово влетит от Макаки! – подхватили хором остальные.

– Влетит, конечно, если только Макака поймет нашего Кар-Кара, – лукаво усмехнулся Витик. – Ведь Макака ни в зуб толкнуть по-немецки, а Кар-Кар не знает совсем по-русски, да к тому же я приложил все старания к этому и научил

² Подойди сюда.

его сказать так: «На меня упал бак и ушиб мне ляжку и каблук». Ну-ка, разбери, что это такое! — со смехом заключил Витик и победоносным взглядом окинул своих друзей.

— Браво! Браво! Витик молодчина! — закричали мальчики, охваченные внезапным восторгом.

И, прежде чем Витик мог опомниться, сорок рук подхватили его на воздух и начали качать.

* * *

— Тебя как зовут?

— Какая кличка у твоей собаки?

— Ты деревенский?

— Издалека ты пришел?

— Как ты попал в реку?

— А что, страшно тонуть?

— А собака у тебя давно?

— Ты чувствовал, что умираешь, когда тонул?

— Почему ты такой рваный?

— Ты бедный?

— Ты знаешь, куда попал?

— А драться на кулаках умеешь?

— Прыгать через стулья ты можешь?

— А родители у тебя есть?

Двадцать мальчиков — и двадцать вопросов! Попробуйте-ка отвечать на них сразу! Задача нелегкая!

Миколка отвечал, однако, что его зовут Миколкой, что он из деревни Старая Лесовка, что он сирота, что бежал от дяди Михея, который дерется больно шибко. Затем он рассказал, что сам не понимает, как упал в реку, не знает, кто его вытащил из воды и где он очутился. Вот и все, что он мог ответить.

Тогда заговорили мальчики, все вместе, разом, так что ровно ничего нельзя было разобрать. Наконец Алек Хорвадзе снова возвысил голос.

– Дайте мне сказать. Я буду говорить! – произнес он твердо.

Все стихли.

Алек начал говорить степенно и обстоятельно, как взрослый, обращаясь к Миколке:

– Мы все, мальчики, купались вчера в реке с мосье Шарлем, гувернером, потому что Кар-Кар не купается: он очень толстый и боится, что может умереть в воде. Купаемся и слышим: за кустами шорох, потом крик, потом точно плюхнулось что-то в воду. Собака залаяла и опять плюхнулась. Побежали за кусты. Видим, кто-то тонет. А собака плывет к нему. Вот подплыла, вот схватила зубами, к берегу тянет. Вытащила тебя. Мы тебя на руки и прямо сюда. Здесь тебя качали на простыне. Думали, ты не очнешься. Ты лежал бледный, точно мертвый. А затем очнулся и уснул. Теперь будешь жить – это уж наверное! – убежденно заключил свою речь Алек и похлопал Миколку по плечу.

Остальные мальчики тоже заулыбались, закивали ему радостно головами и тоже похлопывали его по плечу.

– А меня дяде Михею не вернут? – спросил Миколка.

– Ну вот еще! Мы не позволим! – вскричал немчик Зон. – А насильно не посмеют отнять: Алека побоятся. У него кинжал есть.

– Да, у меня кинжал есть! – не без гордости произнес Алек и блеснул своими черными глазами.

– Кинжал-то игрушечный! Тупой! – протянул тоненький высокий мальчик с насмешливым лицом и темными презрительно щурившимися глазами.

– Ну-ну, ты помалкивай, Гога Владин! Трусишка ты, каких мало. Уж молчал бы лучше! Ты с твоим графчиком тараканов и лягушек боитесь, – сердито заметил Алек.

– И мух тоже, – весело прибавил Арся Иванов, некрасивый, смуглый мальчик, но с большими умными глазами.

– Слушай ты, деревенщина, а ты высоко прыгать умеешь? – немного картавя, спросил у Миколки худенький, но чрезвычайно пышно одетый в бархатную куртку и клетчатые штаны, мальчик лет десяти, которого звали графом Никсом Гоптаровым и который очень важничал своим титулом и богатством.

– Ну, ты молчи, графчик картавый, не очень-то заносись! – прикрикнул на него Вова Баринов. – Вы с Гогой и ходить-то как следует не умеете, не то что прыгать.

– А вот и сочиняешь! Я прыгаю отлично! – картавил Никс.

– И я тоже! – вторил ему Гога.

– А вот посмотрим! Так сумеешь?

И Вова быстро отбежал на край комнаты и перешагнул через высокую спинку стоявшего посредине ее кресла.

Миколка даже крикнул от удовольствия при виде этого прыжка. Он сам был большой любитель до всякого рода скачек и вполне оценил Вовино искусство.

– Ага! Ты, небось, тоже так можешь прыгнуть? – торжественно произнес Вова и взглянул на Миколку.

– Я выше смогу! – отвечал с живостью тот.

– Врешь!

– Не, не вру! Зачем врать? Бог врать не велел. Давайте перепрыгну! – предложил он тут же.

– Нет, тебе прыгать нельзя, – хором вскричали мальчики, – ты болен. Тебя в постель положили.

– Эва! Болен! – рассмеялся Миколка. – Ничего не болен. Был малость уставши, таперича отошел. Тащи сюды что повыше, живо перескочу.

– А через комод перескочишь? – спросил Арся Иванов, недоверчиво взглянув на Миколку.

– Перескочу!

– Ой, не перескочишь!

– Ой, перескочу!

– А ну-ка, братцы, выдвинем комод!

Антоша Горский, Павлик Стоянов, Алек Хорвадзе и Вова Баринов, четыре самые сильные мальчика, подбежали к ко-

моду и попытались подвинуть его на середину комнаты. Комод трещал, скрипел, визжал, но не трогался с места.

Миколке вскоре надоело лежать и смотреть, как четыре «барича» не могут сдвинуть «махину». Он вскочил с постели и, путаясь в длинной до пят ночной сорочке, надетой на него во время обморока, подошел к комоду. Поплевав на ладони, напряг мышцы, уперся в комод и изо всей силы толкнул его вперед.

Трык! Комод сдвинут с места. На пол вывалена целая куча всевозможных вещей.

Чего-чего тут только нет!

Галстуки розовые, голубые, красные, лиловые, воротнички всех цветов и фасонов, шарфы, манжеты, запонки, бутылки с духами, коробки с зубным порошком, носки белые, носки цветные, жилеты полосатые, жилеты клетчатые и т. д., и т. д. — словом, целый модный магазин.

Комод этот принадлежал m-eur Шарлю, французу-гувернеру мальчиков, прозванному ими Жирафом. И все вещи, находившиеся в комодe, тоже принадлежали Жирафу. Он привез их в трех больших ящиках из Парижа и очень дорожил этими вещами.

— Вот-то скроит физиономию Жираф, когда увидит все свои жилеты и галстуки в таком виде! — вскричал Павлик Стоянов, высокий мальчик, живой как бесенок.

— И поделом ему! Не придирайся к нам и не будь несправедливым! — подхватили остальные проказники на разные

голоса.

– Братцы! Я придумал штучку, – вскричал весельчак Витик Зон.

Затем он нагнулся и, пошарив в куче вещей, вынул оттуда огненно-красный галстук, розовый воротничок, четыре разноцветных носка и голубую манишку. Все это он спрятал за спинкой дивана, стоявшего в углу комнаты и как ни в чем не бывало, повернув к товарищам свою смеющуюся рожицу, произнес спокойно:

– Ну, а что же скачки?

– Будут, конечно! – отвечал за всех Павлик и, обратившись к остальным, крикнул:

– Поднимай комод, рыцари!

Мальчики бросились к комоду, втиснули в него кое-как всю грудку жилетов, носков, галстуков и воротничков и поставили комод на середину комнаты. Когда все было готово, Миколка, как был, в одной рубашке и босой, отбежал в самый конец комнаты, опять поплевал на руки и весело крикнул:

Раз, два, три, бери!

Коли скажешь, то не ври,

Коли больше, это врешь,

Знамо дело, пропадешь!

И он перескочил через комод.

- Вот так скачок!
- Ну, это – мое поживаешь!
- Здорово, брат!
- Будем друзьями?
- Нет, его в рыцари в эту же ночь посвятить надо!
- В рыцари! В рыцари! Непременно!
- Штукенция, я вам скажу!
- Браво! Браво!
- Ей-богу же, молодчага!

Возгласы восторга посыпались на Миколку. Миколка, довольный и торжествующий, сидел на комодѣ, с победоносным видом поглядывал на своих новых друзей и от удовольствия болтал босыми ногами. Мальчики окружали его теперь, как верные рыцари своего короля. Их возбужденные, разбурьяненные лица обратились к нему. Миколка оглядывал новых приятелей дружеским взором и вдруг насторожился разом. Улыбка сбежала с его лица. На него в упор смотрели два черные, сердитые глаза. Насмешливая улыбка кривила тонкие губы бледного высокого мальчика, стоявшего в стороне от других. Казалось, он хотел сказать этой улыбкой: «Ну, вот еще, нашли чем восхищаться тоже».

Алек Хорвадзе тоже заметил насмешливое, бледное лицо со злыми глазами.

– Ты чего ехидничаешь, Гога? – обратился Алек к мальчику.

– Молчи, Хорвадзе! – отвечал презрительно Гога. – Ты такой же глупый, как и остальные! Нашли чем восхищаться тоже! Мужик умеет прыгать! Удивительно, подумаешь! Да он только и делал, что скакал и прыгал у себя в деревне. Нет, вы посмотрите лучше, как барин, настоящий барин может прыгать, как может быть ловок и грациозен даже в такую минуту!

– Это кто же, настоящий-то барин? Ты?

– А хотя бы я!

– Ха-ха-ха-ха-ха! Барин! Гога Владин – барин! – захохотали мальчики. Ну, прыгай, барин, покажи свое искусство!

Гога отступил несколько шагов назад, отсчитал раз, два, три и бросился вперед. Прыжок и... отчаянный визг Кудлашки. Какая-то темная куча, хохот мальчиков... и сконфуженный Гога встал с пола или, вернее, с Кудлашки, о которую он запнулся по дороге и, прихрамывая на одну ногу, поплелся в угол.

– Барин посрамлен! Провалился барин! Ай, да Гога! Ай, да хвастун! Один только графчик Никс не смеялся. Они были друзьями с Гогой и всегда стояли друг за друга горой. Никс подхватил под руку Гогу. Гога, жаловался товарищу на «злых мальчишек» и собирался неистово зареветь. Реветь, однако, ему не пришлось.

Дверь распахнулась. Вошли трое. Один был уже знакомый Миколке Карл Карлович, или просто Кар-Кар, как его звали мальчики; другой – высокого роста, щеголеватый, смуглый человек в белом костюме, с ярко-красным галстуком и в высоком-превысоком воротничке. Это был учитель-француз m-г Шарль. Шея у француза была длинная-предлинная. За эту-то шею мальчики и прозвали m-г Шарля Жирафом. Но больше всего привлек внимание Миколки третий человек, вошедший с двумя остальными. У этого человека были чрезвычайно длинные руки, покрытые волосами, и коротенькие ноги с огромными ступнями. Мальчики нередко говорили, что в сапогах этого странного волосатого человека можно было с успехом кататься как в яликах по реке. Но что было удивительнее всего, так это лицо длиннорукого. Оно все сплошь заросло огромною, густою бородою. Борода эта шла чуть ли не от самых глаз, маленьких, зорких и добрых-добрых. Кроме глаз, на лице этого человека, сплошь покрытого волосами, красовался еще нос, немного сплюснутый на конце, с очень широкой переносицей. Доброго волосатого человека прозвали Макакой, по названию обезьяны, на которую он будто бы походил. Это был директор пансиона для мальчиков, Александр Васильевич Макаров, чудеснейшее по доброте и чуткости существо в мире.

Лишь только он вошел в комнату, как мальчики все столпились на середине ее и незаметно подтянулись в один миг. Только Миколка по-прежнему продолжал восседать на комоде, болтать ногами и самым спокойным образом заниматься чисткою своего носа.

Александр Васильевич удивленно взглянул на мальчика, потом обвел всех пансионеров пристальным взглядом и строгим голосом спросил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.